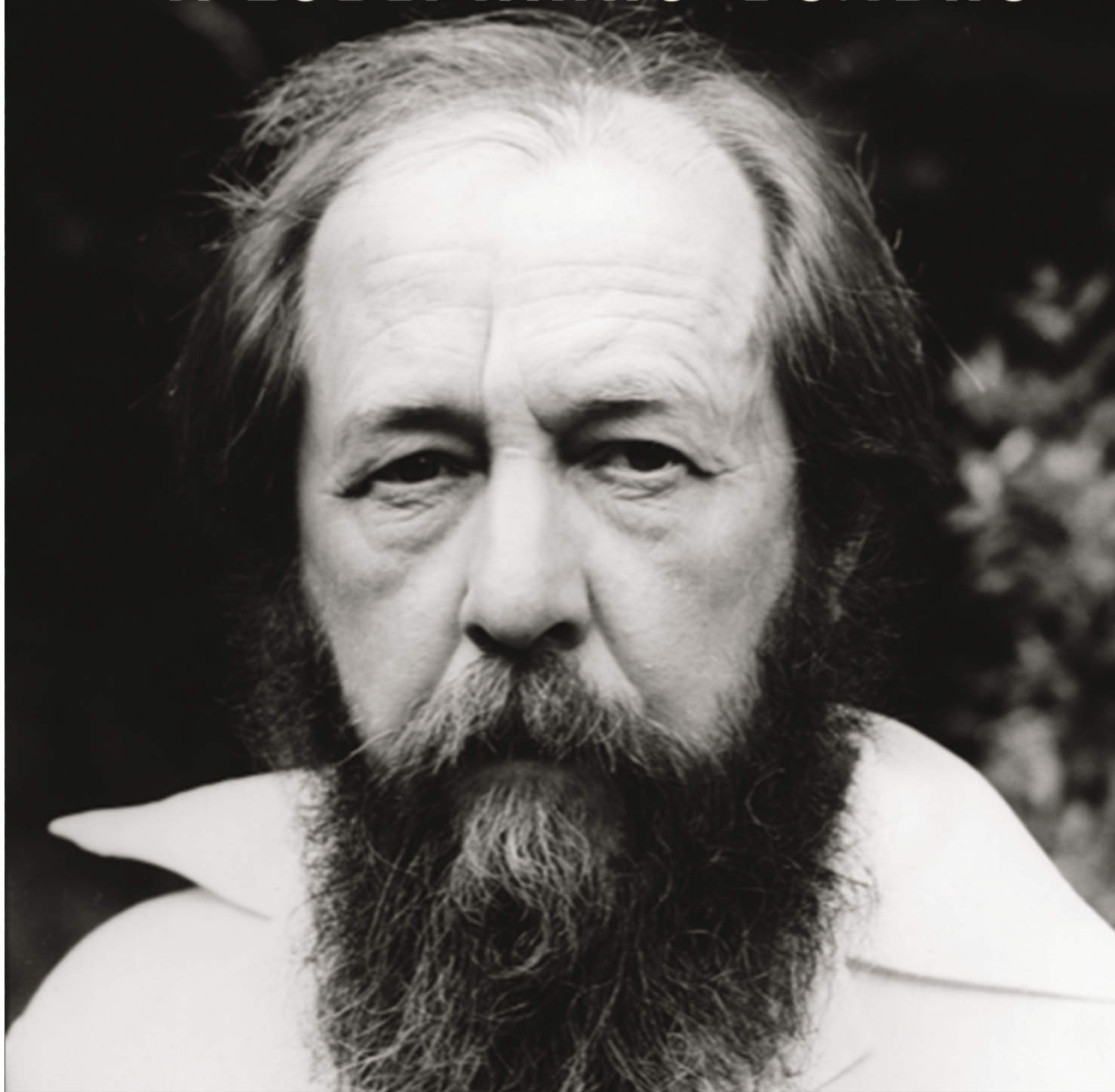

**С УКРАИНОЙ БУДЕТ
ЧРЕЗВЫЧАЙНО БОЛЬНО**

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН

История в лицах и эпохах

Александр Солженицын

**С Украиной будет
чрезвычайно больно**

«Издательство АСТ»

1972-2008

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Солженицын А. И.

С Украиной будет чрезвычайно больно / А. И. Солженицын —
«Издательство АСТ», 1972-2008 — (История в лицах и эпохах)

ISBN 978-5-17-150615-5

Александр Солженицын — яркий и честный писатель жанра реалистической и исторической прозы. Он провел в лагерях восемь лет, первым из советских писателей заговорил о репрессиях советской власти и правдиво рассказал читателям о ГУЛАГе. «За нравственную силу, почерпнутую в традиции великой русской литературы», Александр Солженицын был удостоен Нобелевской премии. Вынужденно живя в 1970-1990-е годы сначала в Европе, потом в Америке, А.И. Солженицын внимательно наблюдал за общественными настроениями, работой свободной прессы, разными формами государственного устройства. Его огорчало искажённое представление русской исторической ретроспективы, непонимание России Западом, он видел новые опасности, грозящие современной цивилизации, предупреждал о славянской трагедии русских и украинцев, о губительном накале страстей вокруг русско-украинского вопроса. Обо всем этом рассказывает книга «С Украиной будет чрезвычайно больно», которая оказывается сегодня как никогда актуальной. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-150615-5

© Солженицын А. И., 1972-2008

© Издательство АСТ, 1972-2008

Содержание

От составителя	7
Россия и Запад	9
Оказался «весь мир» совсем не таким, как мы ожидали	9
Две стороны Земли по-разному освещены	12
Сытый голодного не понимает	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Александр Исаевич Солженицын

С Украиной будет чрезвычайно больно

© А.И. Солженицын, текст (наследники), 2022

© Н.Д. Солженицына, составление, предисловие, 2022

© Издательство АСТ, 2022

От составителя

В этой книге собраны мысли Солженицына об истинном значении Свободы, о неверных представлениях друг о друге России и Запада, о новых опасностях, грозящих современной цивилизации.

Отдельный раздел посвящён Украине, славянской трагедии, «постоянной горечи и боли» писателя.

«Под моими подошвами всю мою жизнь – земля отечества, только её боль я слышу, только о ней пишу», – сказал Солженицын в 1967 году. Через шесть лет, в 1974, за публикацию «Архипелага ГУЛАГа» его лишили гражданства и выслали из СССР.

Жизнь на Западе, сначала в Европе, потом в Америке, позволила внимательно вглядеться в общественные настроения, в работу свободной прессы, в разные формы государственного устройства. Его озадачивало и огорчало выветривание на Западе высоких форм свободы, оттеснение нравственных понятий понятиями юридическими: «Всю жизнь проведя под коммунизмом, я скажу: ужасно то общество, в котором вовсе нет беспристрастных юридических весов. Но общество, в котором нет других весов, кроме юридических, тоже мало достойно человека». Он сокрушался подменой, «измельчением» свободы: сохранили термин, но изготовили другое понятие – маленькую свободу, которая «лишь карикатура большой». Эта свобода вывела, правда, на путь всеобщего благополучия, но тут же завела в опасную ловушку ненасытного потребления.

Ожидало писателя и другое горькое открытие: оказывается, искажение русской исторической ретроспективы, непонимание России Западом уже выстроилось в устойчивое тенденциозное обобщение – о «русской азиатчине», об «извечном русском рабстве», которое у русских чуть ли не в крови. Он обнаружил, что почти каждый западный историк «автоматически поддаётся постулату: СССР – естественное продолжение старой России». А на самом деле, говорил Солженицын, «переход от дооктябрьской России к СССР есть не продолжение, но *смертельный излом хребта*, советское развитие – не продолжение русского, но извращение его». Он неустанно твердил об ошибке – смешивать мировую болезнь коммунизма со страной, которую он овладел первой, говорил, как «легкомысленно и неправильно используют слово “русские” вместо “советские”, – и даже с постоянным эмоциональным преимуществом в пользу второго (“русские танки вошли в Прагу”, “русский империализм”, “русским нельзя верить”, но – “советские космические достижения”, “успехи советского балета”). Так и «все преступления, пороки и провалы *советского* социализма ложно отнесли за счёт *русской* “рабской традиции”».

О своих наблюдениях и выводах писатель говорил публично – и вызвал немалое раздражение публицистов определенного направления и нападки прессы.

Объясняя свой отказ приехать в Белый дом, Солженицын писал президенту Рейгану: «Проявляется то враждебное отношение к России как таковой, стране и народу, вне государственных форм, которое характерно для значительной части американского образованного общества, американских финансовых кругов и, увы, даже Ваших советников. Настроение это губительно для будущего обоих наших народов».

Но вот спустя двадцать лет Солженицын смог вернуться на Родину. Ему и тут не изменил трезвый взгляд на новые опасности, встающие при переустройстве мира. В 1995 году он предвидел: «XXI век будет очень бурным, очень тяжёлым, и даже, может быть, уже первая половина XXI века». Кончилась Холодная война – «а что-то не стало на планете спокойнее, чуть ли не

чаще стало, то там, то сям, – вспыхивать, взрываться, стрелять, уже и не наскрести войск ООН для умиротворения». Он считал, что момент, когда «НАТО отвергло Организацию Объединённых Наций, какая бы она ни была слабая, и стало действовать само, – был исторический момент, выходящий за пределы всей проблемы Югославии. Это страшно, грядёт совершенно новый общемировой строй».

«С Украиной будет чрезвычайно больно», – с тревогой писал Солженицын больше полувека назад. Уже тогда он предвидел попытки отделения Украины, но считал, что нужен бы «по каждой области свой плебисцит», учитывая, по каким ленинским лекалам были нарезаны земли, никогда не относившиеся к исторической Украине... И четверть века назад недоумевал: если в Западной Украине сносят памятники Ленину, отчего ж «украинские националисты бронёй стоят за эти священные границы, дарованные батюшкой Лениным»...

Об отношениях с Украиной, о губительном накале страстей вокруг русско-украинского вопроса, о том, как «Америка всемерно поддерживает каждый антирусский импульс Украины», Солженицын писал до последних своих дней.

Наталья Солженицына

Россия и Запад

Оказался «весь мир» совсем не таким, как мы ожидали

Из Нобелевской лекции
1972

На эту кафедру, с которой прочитывается Нобелевская лекция, кафедру, предоставляемую далеко не всякому писателю и только раз в жизни, я поднялся не по трём-четырёх примощённым ступенькам, но по сотням или даже тысячам их – неуступным, обрывистым, обмёрзлым, из тьмы и холода, где было мне суждено уцелеть, а другие – может быть с большим даром, сильнее меня, – погибли. <...>

И мне сегодня, сопровождаённому тенями павших, и со склонённой головой пропуская вперёд себя на это место других, достойных ранее, мне сегодня – как угадать и выразить, что хотели бы сказать они?

Эта обязанность давно тяготела на нас, и мы её понимали. Словами Владимира Соловьёва:

Но и в цепях должны свершить мы сами
Тот круг, что боги очертили нам.

В томительных лагерных переброях, в колонне заключённых, во мгле вечерних морозов с просвечивающими цепочками фонарей – не раз подступало нам в горло, что хотелось бы выкрикнуть на целый мир, если бы мир мог услышать кого-нибудь из нас. Тогда казалось это очень ясно: что скажет наш удачливый посланец – и как сразу отзывно откликнется мир. Отчётливо был наполнен наш кругозор и телесными предметами и душевными движениями, и в недвоящемся мире им не виделось перевеса. Те мысли пришли не из книг и не заимствованы для складности: в тюремных камерах и у лесных костров они сложились в разговорах с людьми, теперь умершими, тою жизнью проверены, оттуда выросли.

Когда ж ослабилось внешнее давление – расширился мой и наш кругозор, и постепенно, хотя бы в щёлочку, увиделся и узнался тот «весь мир». И поразительно для нас оказался «весь мир» совсем не таким, как мы ожидали, как мы надеялись: «не тем» живущий, «не туда» идущий, на болотную топь восклицающий: «Что за очаровательная лужайка!», на бетонные шейные колодки: «Какое утончённое ожерелье!», а где катятся у одних неотирные слёзы, там другие приплясывают беспечному мюзиклу.

Как же это случилось? Отчего же зинула эта пропасть? Бесчувственны были мы? Бесчувствен ли мир? Или это – от разницы языков? Отчего не всякую внятную речь люди способны расслышать друг от друга? Слова отзвучивают и утекают как вода – без вкуса, без цвета, без запаха. Без следа. <...>

Человек извечно устроен так, что его мировоззрение, когда оно не внушено гипнозом, его мотивировки и шкала оценок, его действия и намерения определяются его личным и групповым жизненным опытом. Как говорит русская пословица: не верь брату родному, верь своему глазу кривому. И это – самая здоровая основа для понимания окружающего и поведения в нём. И долгие века, пока наш мир был глухо загадочно раскинут, пока не пронизался он едиными линиями связи, не обратился в единый судорожно бьющийся ком, – люди безошибочно руководились своим жизненным опытом в своей ограниченной местности, в своей общине, в своём обществе, наконец и на своей национальной территории. Тогда была возможность отдельным

человеческим глазам видеть и принимать некую общую шкалу оценок: что признаётся средним, что невероятным; что жестоким, что за гранью злодейства; что честностью, что обманом. И хотя очень по-разному жили разбросанные народы и шкалы их общественных оценок могли разительно не совпадать, как не совпадали их системы мер, эти расхождения удивляли только редких путешественников да попадали диковинками в журналы, не неся никакой опасности человечеству, ещё не единому.

Но вот за последние десятилетия человечество незаметно, внезапно стало единым – обнадёжно единым и опасно единым, так что сотрясения и воспаления одной его части почти мгновенно передаются другим, иногда не имеющим к тому никакого иммунитета. Человечество стало единым, – но не так, как прежде бывали устойчиво едиными община или даже нация: не через постепенный жизненный опыт, не через собственный *глаз*, добродушно названный кривым, даже не через родной понятный язык, – а, поверх всех барьеров, через международное радио и печать. На нас валит накат событий, полмира в одну минуту узнаёт об их выплеске, но мерок – измерять те события и оценивать по законам неизвестных нам частей мира – не доносят и не могут донести по эфиру и в газетных листах: эти мерки слишком долго и особенно устаивались и усваивались в особой жизни отдельных стран и обществ, они не переносимы на лету. В разных краях к событиям прикладывают собственную, выстраданную шкалу оценок – и неуступчиво, самоуверенно судят только по своей шкале, а не по какой чужой.

И таких разных шкал в мире если не множество, то во всяком случае несколько: шкала для ближних событий и шкала для дальних; шкала старых обществ и шкала молодых; шкала благополучных и неблагополучных. Деления шкал кричаще не совпадают, пестрят, режут нам глаза, и чтоб не было нам больно, мы отмахиваемся ото всех чужих шкал как от безумия, от заблуждения, – и весь мир уверенно судим по своей домашней шкале. Оттого кажется нам крупней, больней и невыносимей не то, что на самом деле крупней, больней и невыносимей, а то, что ближе к нам. Всё же дальше, не грозящее прямо сегодня докатиться до порога нашего дома, признаётся нами, со всеми его стонами, задушенными криками, погубленными жизнями, хотя б и миллионами жертв, – в общем вполне терпимым и сносных размеров.

В одной стороне под гоненьями, не уступающими древнеримским, не так давно отдали жизнь за веру в Бога сотни тысяч беззвучных христиан. В другом полушарии некий безумец (и наверно он не одинок) мчит через океан, чтоб ударом стали в первосвященника *освободить* нас от религии! По своей шкале он так рассчитал за всех за нас!

То, что по одной шкале представляется издали завидной благоденственной свободой, то по другой шкале вблизи ощущается досадным принуждением, зовущим к переворачиванию автобусов. То, что в одном краю мечталось бы как неправдоподобное благополучие, то в другом краю возмущает как дикая эксплуатация, требующая немедленной забастовки. Разные шкалы для стихийных бедствий: наводнение в двести тысяч жертв кажется мельче нашего городского случая. Разные шкалы для оскорбления личности: где унижает даже ироническая улыбка и отстраняющее движение, где и жестокие побои простительны как неудачная шутка. Разные шкалы для наказаний, для злодеяний. По одной шкале месячный арест, или ссылка в деревню, или «карцер», где кормят белыми булочками да молоком, – потрясают воображение, заливают газетные полосы гневом. А по другой шкале привычны и прощены – и тюремные сроки по двадцать пять лет, и карцеры, где на стенах лёд, но раздевают до белья, и сумасшедшие дома для здоровых, и пограничные расстрелы бесчисленных неразумных, всё почему-то куда-то бегущих людей. А особенно спокойно сердце за тот экзотический край, о котором и вовсе ничего не известно, откуда и события до нас не доходят никакие, а только поздние плоские догадки малочисленных корреспондентов.

И за это двоенье, за это остолбенелое непониманье чужого дальнего горя нельзя упрекать человеческое зрение: уж так устроен человек. Но для целого человечества, стиснутого в единый ком, такое взаимное непонимание грозит близкой и бурной гибелью. При шести, четырёх,

даже при двух шкалах не может быть единого мира, единого человечества: нас разорвёт эта разница ритма, разница колебаний. Мы не уживём на одной Земле, как не жилец человек с двумя сердцами.

Две стороны Земли по-разному освещены

Из интервью с Уолтером Кронкайтом для телекомпании CBS

Цюрих, 17 июня 1974

Хотелось бы знать ваше мнение о западных средствах получать и передавать информацию, как оно сложилось после вашей высылки.

Ну, надо сразу сказать: западная пресса помогла мне, Сахарову, всем нам выстаивать годами. Так что я, конечно, могу быть западной прессе только благодарен. Но свежими глазами иногда можно увидеть то, чего люди, живущие постоянно, – не видят. Вот, я с этим кусочком хлеба, из Лефортова, из последнего недоеденного лефортовского обеда, внезапно переносюсь в Западную Европу. Ещё три часа назад я ожидал расстрела, три часа назад. Вдруг мне объявляют, что я высылаюсь – куда? – и неожиданно во Франкфурте-на-Майне высаживают. И с этого момента начинается шторм, западная пресса обрушивается на меня. Я ещё не могу в голову вместить того, что произошло, я сотрясён происшедшим, я не имею расположения что-либо заявлять. А они требуют, чтоб я высказывался... День за днём пресса от меня не отстаёт, она преследует меня всюду: дежурит около дома Бёлля, потом около дома адвоката, в осаде я нахожусь. Хочу выйти, хоть подышать, хоть ночью, когда никого нет. Выхожу на задний балкон, где корреспондентов нет, – вдруг два прожектора, вот таких вот прожектора на меня, и фотографируют, ночью! Я иду со спутниками, разговариваю, подсовывают микрофон, несколько микрофонов, узнать – что я говорю своим спутникам? и передать своим агентствам, – ну, я в такую минуту раздосадовался, говорю: «Да вы хуже кагебистов!» – подхватили! первое высказывание: Солженицын приехал на Запад и заявил: «Западная пресса хуже КГБ», – как будто я собрал пресс-конференцию и так заявил. Я думал, скажу: «Господа, поймите, я сейчас не в состоянии с вами разговаривать, дайте мне отдышаться, я хочу побыть один», – и оставят в покое. Нет! И это потом продолжалось долго, когда я ездил в Норвегию, когда вернулся, когда приехала моя семья, семья приехала бессонная, измученная, – нет, позировать, выходите, позировать нам! Отказались. Тогда прорвались тут, вокруг нашего дома, топчут всё, что соседи насадили, как стадо бизонов, – чтобы что-нибудь сфотографировать. Им говорю: «Ну почему так? раз я вас прошу: я сейчас не буду говорить; пожалуйста, оставьте нас». Отвечают, милые молодые люди, откровенно: «Никак не можем. Нам приказано, если мы не выполним, нас уволят». Знаете, вот это очень скользкая, опасная формулировка: если я не выполню – меня уволят. Так это сейчас любой угнетатель в Советском Союзе скажет: а я выполняю приказ, а если я не выполню – меня уволят. Видите, каждая профессия, если она начинает разрушать нравственные нормы жизни, должна сама себя ограничить. Действительно, западную прессу здесь не связывает, не останавливает ничто, никакая полиция, ни власти. Ну, тогда надо ограничить самим себя. Надо сказать: вот тут есть порог, нравственный, вот сейчас нужно отказаться. Всякие достоинства, если предела им не поставить, если не ограничить, переходят в недостатки.

Хорошо. Можно было бы даже восхититься: как западная пресса в натиске таком – добыть истину – ничего не жалеет: ни себя, ни других, ну, как военные корреспонденты, лезут под самый обстрел, пусть меня убьют, но я сейчас сфотографирую и что-то новое сообщу. Но вот странное явление: оказывается, западная пресса далеко не всегда так необузданно стремится к истине. Я наблюдал эту же самую прессу у нас в Москве, да так и везде в Восточной Европе, и в Китае особенно. Вот поразительно: там западная пресса совершенно меняется. К счастью, не все, есть замечательные исключения, есть великолепные корреспонденты, которые себя не щадят, так их обычно и высылают. А большинство? – а большинство вдруг становятся такими скромными, такими осторожными, такими осмотрительными. Здесь, на Западе,

они могут президента трясти, сенат, военные секреты, военное министерство, – всё они разнесут, там – последний болгарский полицейский говорит: «Стоп, вот эту церковь не снимать». – «Хорошо, не буду снимать». Хунвейбин вывешивает листовку на стене для своих китайцев, подходит корреспондент читать – и хунвейбин, сопливый мальчишка, говорит: «Не читать, это не для вас!» Корреспондент поворачивается и уходит. Позвольте, что ж это? Зачем же такая разница? Могу добавить свой опыт, небольшой, но собственный. В 67-м году пишу письмо съезду писателей. Оно появляется в газете «Монд», в Париже. Московский корреспондент «Монд» разворачивает газету, свою собственную газету, и видит моё письмо там. Что естественно испытать корреспонденту? Радоваться, что это помещено, жалеть, что не он сделал. Корреспондент «Монд» в 67-м году побледнел и сказал: «Какой ужас! подумают, что это я передал, меня вышлют из Москвы!»

Но посмотрите, тут уже мы выходим за пределы прессы, это гораздо шире вопрос: вот приезжает [в СССР] независимый западный человек, привыкший к полной свободе, – и вдруг мгновенно, без необходимости, без подлинной опасности, усваивает дух подчинения и становится добровольным рабом. Вот это страшно. Когда задают вопрос: «Да как это может быть, неужели свободные народы, попав под угнетение, вот как Восточная Европа, могут так быстро стать в рабское положение?» Конечно. Если свободный корреспондент, который ничем не рискует, кроме того, что ему разобьют ветровое стекло машины или вышлют из Москвы, ведёт себя рабски? – конечно. Но отсюда другой страшный вывод: две стороны Земли по-разному освещены, ну так, как вот Солнце освещает: половина Земли всегда под солнцем, а половина Земли – ночь, в тени. Вот так и информация освещает наш земной шар. Половина Земли, Запад, – под ярким солнцем, видно всё насквозь, обо всём сообщает западная пресса, западные парламентарии, любой общественный деятель, сами государственные деятели отчитываются. Почему я, допустим, мог там, у себя, составить какое-то мнение о Западе, и вот оно вроде не ошибочно? – да потому что Запад весь освещён, о Западе всё решительно напечатано, написано, говорится. И почему советологи так называемые, почему они с таким трудом и так часто ошибочно судят о Востоке? Потому что Восток погружён в темноту. О Востоке западная пресса, которая туда приезжает, не даёт сколько-нибудь серьёзной информации. Если бы каждый корреспондент говорил так: я голову свою положу, пусть мне голову отрубят, но я одно известие, точное, важное, сообщу. Тогда хоть иногда бы что-то важное проходило. Но если каждый, почти каждый корреспондент боится или опасается, если почти каждый корреспондент даёт поверхностные, скучные вещи, сидит, обрабатывает советскую прессу, из неё что-то возьмёт, на поверхности, а иногда и прямой обман, – откуда иметь информацию о Востоке? Ещё можно было бы от нашей прессы? – ну, тут смешно говорить. Наш парламент? – смешно говорить. Были бы в нашей стране свободные общественные дискуссии – так они и задушиваются у нас в первую очередь.

Вы критикуете манеру и поведение западной прессы, но вы не хотите этим сказать, что вам не нравится система свободы прессы?

Не только не критикую свободу прессы, наоборот, я считаю это величайшим благом. Но я вот о чём: с одной стороны, не только пресса, но и всякая профессия, но и всякий человек должен уметь пользоваться своей свободой и сам себе находить остановку, нравственный предел. А с другой стороны, я настаиваю, что если пресса имеет такую свободу на Западе, то она должна отстаивать свою свободу, когда попадает на Восток. Какие бы на Востоке условия ни были, но если пресса привыкла к свободе – осуществляйте свободу и там.

Вероятно, когда вы писали «Архипелаг» и ваши другие вещи, вы хотели, чтобы Запад узнал эту правду?

Я не могу сказать, что я писал свои вещи для того, чтобы «открыть Западу глаза на Восток». Я прежде всего все книги писал для своего собственного народа, для русских, потому что мы сами свою историю не знаем, вот что страшно, – не только Запад не знает нашей истории, мы сами свою историю потеряли: я вам говорил – недавние события, предреволюционные и революционные, у нас как провалились: сожжены документы, убиты свидетели, живые молчат. Я вообще восстанавливал правду, всякую правду о своей стране, прежде всего для своих.

СЫТЫЙ ГОЛОДНОГО НЕ РАЗУМЕЕТ

Из пресс-конференции в Париже
10 апреля 1975

Вы подчёркиваете, что западные люди не понимают советской реальности, и вы правы. Но вот вы сами, говоря о свободе прессы на Западе, как будто её пренебрегаете или даже её презираете.

Здесь какое-то между нами непонимание. Я говорил, что считаю свободу прессы великим благом. Но нельзя делить свободу на свою и чужую. Те десятилетия, когда советские жители не имели никакой информации о Западе, мы имели наивность – но, конечно, никакого нравственного основания – ждать, что Запад придёт нам на помощь, мы считали, что свободные и могучие западные люди не могут долго терпеть, чтобы соседний европейский народ так угнетался. Годы после войны, которые я провёл в лагере, мы там жили верой такой. Но, оказывается, дело обстояло тут совершенно иначе. Практически Запад не имел почти никакой истинной информации о Советском Союзе с 20-х годов. Каждый иностранец, приезжавший в Советский Союз, обставлялся несколькими агентами, которые ловко вели его туда, куда и как им надо. Однако скажу хуже: дело не только в том, что западных людей обманывали и они не получали истинной информации. Здесь психологическое основание человеческой натуры, это не свойство именно западных людей – французов, англичан или немцев, – это свойство человека вообще как существа.

Вот я приведу один только пример из 30-х годов, который вас, может быть, несколько убедит. Это не новый пример. О нём очень горячо говорил в своё время Оруэлл, но, может быть, Франция не читала Оруэлла тогда. Это пример украинского голода. В 1932–1933 годах на Украине большевики создали искусственный голод. Ни много ни мало, до всех ужасов Второй Мировой войны, они искусственно задушили голодом 6 миллионов человек. Они умело скрывали это, но случившееся остаётся: 6 миллионов человек в самой Европе умирают от голода потому, что у крестьян, у тружеников отняли зерно до последнего. Комсомольцы стоят в хате и не дают детям выпить воды, пусть ребёнок умирает, но отдай последнее зерно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.